

III. Литературные диалоги

Г.В.Якушева

г. Москва, Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина

От Кантемира до Карамзина: О первых встречах просвещенного Запада с русской словесностью

В середине второго десятилетия XXI в. Россия вновь заставила мучиться мировое сообщество вопросом: вместе ли она со старушкой Европой и западной цивилизацией – или у нее особый путь, который «умом не понять»? Для ответа на него вспомним историю знакомства Запада с русской литературой, этим бесспорным и мощным выражением духовной жизни народа.

Первым актом процесса стал выход в свет сатир А.Д.Кантемира – сначала в 1749 г. и в 1750 г. в Голландии в переводе на французский язык, а затем, в 1752 г. в Германии в переводе на немецкий язык, осуществленном на основе французского Г.Э.Шпилькером – соратником Г.Э. Лессинга, по инициативе и при редакторском участии не менее знаменитого немецкого просветителя И.К.Готшеда.

Произошло это не случайно в середине XVIII в. – века Просвещения, который принято называть «веком разума», но который правильнее назвать веком культа «естественного человека». Ибо не только рационализм вольтеровского типа, но и сентиментализм Ж.-Ж. Руссо, Г. Филдинга и Л.Стерна отметили эпоху Просвещения и избавления от «монстров» предрассудков, главным из которых было представление об изначальном неравенстве людей. Следствием преодоления последнего стал и интерес к «естественным», «диким» народам, к их быту, нравам, жизни их духа, в которой – в русле учения старшего друга и наставника И.В.Гёте И.Г.Гердера – признавалось многообразие творческих проявлений человека как такового, равно достойных уважения и изучения.

Среди объектов пристального внимания века Просвещения были и сравнительно мало изученные культуры народов Европы – в числе которых оказались как находившиеся в эпицентре европейских событий шотландцы (именно на волне интереса к их словесному творчеству возшла поэтическая звезда Р.Бёрнса), так и жители России, в то время еще воспринимавшейся многими на Западе как страна азиатская, известная разве что благодаря трудам немецких дипломатов, ученых и путешественников Зигмунда (Сигизмунда) Герберштейна (XVII в.) и Адама Олеария (XVIII в.), в целом добросовестно описательных и не лишенных благожелательности (особенно следует отметить включенные в «Описание путешествия в Московию» Олеария идиллию одного из его спутников, выдающегося лирика немецкого барокко П.Флеминга, воспе-

вающего, после пятимесячного пребывания в Новгороде, мирный труд и близость к природе русских крестьян, контрастирующие с «ненасытной жадностью Марса» на его родине времен Тридцатилетней войны, а также три сонета Флеминга, посвященные Москве, впервые переведенные и опубликованные А.П. Сумароковым в «Ежемесячных чтениях», 1755).

Однако в упомянутых трудах было много и иронии, и негативизма, не всегда оправданного, и унижающих домыслов. К сожалению, от подобных недостатков не была свободна и «Естественная, гражданская и политическая история древней и новой России» (1783-1784) Николая-Габриэля Леклерка, сподвижника Д.Дидро в создании знаменитой «Энциклопедии», проведшего в России в общей сложности около 10 лет. Просвещенного французского автора опровергал русский историк И.Н.Болтин («Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка», 1788), – и если мы поймем желание французского либерала обличить деспотизм русского самодержавия и постоянное нарушение им «общественного договора», то относительно природных качеств русского народа и его «естественной» истории решительно присоединимся к полемическому протесту нашего соотечественника:

Леклерк: Прежде прихода Рурика в Россию, последовавшего в 862 году, Русские не имели других ремесел кроме тех, коими могли исполнять первоначальные их потребности. Земледелие их было без начал и шалаши были домами.

Болтин: Прежде прихода Рурика были уже у Русских города; жили они в обществе, имели правление, промыслы, торговлю, с соседними народами сообщение, и проч. Новгородцы, следуя древним летописям, многие веки до Рурика управлялись сами собою: под владением их были и поморския страны, Лифляндия, Курляндия, Ижора; города Псков, Белозеро, Каргополь, Двина с их уездами, Зыряня и проч.

Леклерк: Рурик привел с собою великое число Варяг <... > Они стали быть вскоре первыми учителями Русских. Они подали им первые понятия о мореплавании.

Болтин: Варяги не просвещеннее были Русских, они живучи в соседстве с ними, общия и одинакия имели с ними познания <...> Россияне задолго прежде приходу Рурика, ездя по Балтийскому морю к разным пристаням, торговали [Летописец: 3].

На этом фоне значительным, едва ли не переломным событием в Европе стала публикация просветительских сатир Кантемира. Сатир «в духе Буало», как не только в XVIII в., но и в XXI в. утверждают западные исследователи – категорично и без каких-либо комментариев, в ряду с аналогичными дефинициями-клише типа «Сумароков – русский Расин», «Крылов – русский Лафонтен», «Пушкин (как и Лермонтов) – русский Байрон» [Якушева 1997; Якушева 2010]. Действительно, дух европейского Просвещения, повеявший уже в конце XVII в. (подобно в свое время духу классицизма, сентиментализма, романтизма и т. п.), питал Россию – как и другие европейские и многие неевропейские страны (достаточно вспомнить взбудораженную наполеоновскими походами историю египетской литературы 1-й половины XIX в. или турецкий Танзимат 1840-1870-х гг.). Так что если речь идет о включенности России в мировой

цивилизационный процесс, то по поводу влияния Н.Буало на Кантемира так же не стоит спорить, как и о влиянии на Буало, им самим признаваемом, Ювенала и Горация. Если же речь идет об ученическом подражании (тезис, слишком часто на протяжении минувших десятилетий определявший положение представителей русской литературы в мировом культурном процессе), то здесь требуются пояснения.

Разумеется, многие объекты сатир Кантемира совпадали с мишенями Буало: пороки дворянства, корыстолюбие чиновников, невежество церковников, жеманство праздных аристократов. Но были и свои, «отечественные» мотивы и нюансы в обличениях Кантемира: насмешки над французами и «петиметрами» в антиоховской сатире второй «На зависть и гордость дворян злонравных», проблема ответственности родителей за умственное и нравственное развитие детей (сатира седьмая «О воспитании»), усиление конкретности, «портретного» принципа в сатирах русского автора по сравнению с французским. Оттого и сатиры нашего соотечественника впервые были изданы на родине только в 1762 г., – в то время как их острота, меткость, новизна содержания обусловили уже при жизни Кантемира интерес к его творчеству за рубежом. Оригинальность своих сатир осознавал и сам поэт: «Что взял по-галльски, заплатил по-русски», и исследователи его творчества [Пигарев: 365]. Следует отметить также более светлый, оптимистичный взгляд Кантемира на человеческую природу вообще, контрастирующий с брюзгливо-мизантропической тональностью сатир Буало, особенно позднего периода.

Выскажем предположение, что во многом это было также вызвано российской спецификой. Если для Буало, сына эпохи барокко и классицизма, скончавшегося в 1711 г., сатиры явились болезненным прощанием с прошлым Франции периода пышного расцвета абсолютизма и одновременно начавшимся внутри него периодом деградации, упадка данного вида государственности и, соответственно, идущего «сверху» разложения нравов, – то для Кантемира сатиры были актом дерзкого и перспективного очищения от пороков прошлого в уверенном предвосхищении славного будущего России, трудом и волею Петра «открывшего окно» в просвещенную Европу.

Сам Кантемир стал едва ли не первым «культурным атташе» России в Западной Европе. С юности знаток и переводчик Анакреонта, Горация, Теофраста (Феофраста), Эпиктета, Ж. де Лабрюйера и других мыслителей и моралистов далекого и недавнего прошлого, переводчик с французского языка ряда вольнодумных и еретических сочинений, в т. ч. трактата остроумного и блестящего литератора и ученого-популяризатора Б.Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», 1730 (опубл. в 1740 г., при Елизавете Петровне в течение 16 лет книга была запрещена Синодом как «противная вере и нравственности»), Кантемир в Париже сближается с автором этого трактата, а также с Ш.Монтескье (кантемировский перевод «Персидских писем» последнего не сохранился), с драматургом П.К.Н. де Лашоссе – создателем жанра нравоучительной, т. н. слезной, комедии, предвосхитившей социально-психологическую

драму 2-й пол. XVIII в, с математиком П.Л.Мопертюи; вступает в переписку с Вольтером.

Там же, в Европе, на свои средства Кантемир издает двухтомный труд своего отца «История возвышения и упадка Оттоманской Порты» на английском языке в Лондоне в 1734-1735 гг., в Париже в 1743 г. и в Гамбурге в 1755 г.

На волне взаимного интереса друг к другу россиян и западноевропейцев родились и переводы сатир Кантемира, сделанные его друзьями, – будь то аббат Венути, и не в 1749 г., а в 1746 г., по версии Сементковского [Сементковский: 553], или аббат Гуаско в 1749 г. (современная версия [Пигарев:366; Коровин: 749]). На этой же волне стал развиваться и интерес Западной Европы к сочинениям М.В.Ломоносова и А.П.Сумарокова, Д.И.Фонвизина и М.М.Хераскова, Г.Р.Державина и А.Н.Радищева.

Примечательно, что один из самых первых переводов на европейские языки Ломоносова, был осуществлен тоже человеком необыкновенным. Георг Форстер, выдающийся немецкий просветитель, ученый-натуралист и публицист один из вождей недолговечной Майнцской республики, примкнувшей в 1793 г. к революционной Франции, благородная и самоотверженная личность, высоко ценяемая многими и у себя на родине (И.В.Гете, Г.Гейне), и за ее пределами (в т. ч. в России А.И.Герценом и Н.Г.Чернышевским), он еще подростком, находясь в 1765-1766 гг. в Петербурге вместе с отцом, изучавшим, по поручению Екатерины II, природу и экономические возможности Поволжья и Калмыкии, занялся русским языком – и вскоре перевел на английский язык «Краткий Российский летописец с родословием» М.В.Ломоносова. Изданный в 1767 г. в Лондоне и, по мнению отечественных исследователей, качеством превосходящий аналогичные труды на немецком (1765 г. и 1771 г.) и французском (с немецкого, 1769) языках [см. Неустроев: 340; 447], этот перевод стал одним из свидетельств не только растущего интереса Запада к России, но и известного предпочтения, отдаваемого ведущими западными просветителями ломоносовской теории самостоятельного происхождения русской государственности перед норманнской теорией, со сторонником которой мы ознакомились выше благодаря господину Леклерку.

Во 2-й пол. XVIII в. немецкий, французский, реже английский читатель знакомится с тем, как, дополняя, поправляет великого Буало А.П.Сумароков в своей классицистской «Епистоле о стихотворстве», возводя на Геликон не только бесспорных Ж.Расина и Ф.Малерба, но и Л. ди Камозенса, Лопе де Вегу, Дж.Мильтона, А.Попа и даже «непросвещенного варвара» Шекспира, а также ссылается на авторитет творца «низкого» басенного жанра Жана Лафонтена, скептического вольнодумца Вольтера и создателя «слезной комедии» – мещанской драмы Ф.Н.Детуша. Также отечественный автор привлекает западного ценителя театрального искусства своими комедиями, соединяющими опыт Менандра, фарсовую традицию комедии дель арте и практику русского ярмарочного театра, – и трагедиями из русской истории (в первую очередь – «Дмитрием Самозванцем», разрабатывающим одну из любимых западными драма-

тургами тем), и он же впечатляет Запад сатирой «О благородстве», близкой по замыслу «Общественному договору» Ж.-Ж.Руссо.

Денис Фонвизин, ставший известным в Европе прежде всего как переводчик датского драматурга, историка и философа-просветителя Людвиг Хольберга, трагедии Вольтера «Альзира, или Американцы» и прозаической басни одного из первых европейских открытых диссидентов, поэта и публициста Христиана Фридриха Шубарта «Лисица-казнодей», обращает на себя внимание сатирическим «Посланием к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (нач. 1760-х гг., опубл. в 1769 г.), предвосхищающим вольнодумно-жизнеутверждающий скепсис романа Дени Дидро «Жак-фаталист и его Хозяин» (1773 г., опубл. на нем. яз. в 1792 г., на франц. яз. в 1796 г.), а затем и своими комедиями.

С трагедиями Вольтера, обличающими религиозный фанатизм и проповедующими веротерпимость, сближает западный читатель трагедию М.М.Хераскова «Венецианская монахиня», созвучие со своей эпохой находит он в дидактической поэме того же автора «Плоды наук», ценит херасковскую «Россияду», прославившую торжество русской государственности, и особенно – его героическую поэму «Чесменский бой» (1771), воспевающую победу русского флота над турецким в 1770 г. и имевшую почти мгновенный международный резонанс: в 1772 г. был опубликован ее перевод на французский язык (чему Херасков предпослал краткий обзор современной русской поэзии), в 1773 г. – на немецкий.

Переключкой с только что входившими тогда в литературную моду «Поэмами Оссиана» Джеймса Макферсона – мощными образами стихии, тональностью, ракурсом поэтического зрения – воспринимались и отечественными, и западноевропейскими современниками картины знаменитого «Водопада» Г.Р.Державина, созвучием с вольнодумно-насмешливым либертинажем раннего Вольтера – его же «Анакреонтические песни», а манифестацией гражданской смелости, столь понятной дерзкому Просвещению, – строки созданного, как и позднее Пушкиным, по мотивам Горация державинского «Памятника» («<...> И истину царям с улыбкой говорить»).

Переводчик «Размышлений о греческой истории» французского коммуниста-утописта Габриэля Мабли, испытавший влияние выдающихся европейских просветителей – Вольтера, Руссо, Дидро, Гельвеция, Гердера и Дж. Вико, учившийся в Лейпцигском университете почти в те же годы, что и И.В.Гете, и впитавший, помимо прочего, дух тогдашней бунтарской студенческой вольницы, А.Н. Радищев знакомил западноевропейскую публику с отрывками своей антикрепостнической оды «Вольность», позднее вошедшими в его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву», – книгу, после конфискации тиража и запрещения в России, впервые без цензурных изъятий опубликованную в Лондоне в Вольной русской типографии А.И.Герцена.

И, наконец, культурную жизнь Западной Европы оживляет Николай Михайлович Карамзин. Писатель, начавший в 1783 г. свое вхождение в отечественную, а заод-

но и в европейскую в целом литературу с перевода идиллий Саломона Геснера – немецкоязычного швейцарца, ищущего в век Просвещения укрытия от тирании власти в иллюзии гармонического мира пастухов и пастушек, – и продолживший переводом гневной антидеспотической трагедии Г.Э.Лессинга «Эмилия Галотти» (1788). Вдумчивый наблюдатель и аналитик, в горячие 1789-1790-е гг. побывавший и в революционной Франции (где посещал заседания Учредительного собрания), и в Германии (где в 1797 г. в гамбургском журнале опубликовал статью «Несколько слов о русской литературе»), и в Швейцарии (которую он, по его словам, посетил «с Руссовою “Элоизою” в руках»), и в Англии, сведя знакомство с И.Кантом, И.Г.Гердером, К.М.Виландом, швейцарским естествоиспытателем и философом, иностранным почетным членом Петербургской АН Шарлем Бонне и другими столпами и глашатаями Просвещения, будущий основатель одного из лучших в России журналов «Вестник Европы», Карамзин помог Западной Европе взглянуть на себя глазами просвещенного европейца ее восточных границ, выходящих в большой мир Евразии. Ибо уже в упомянутые годы в английских, немецких и французских журналах, часто в переводах самого автора, появляются отрывки карамзинских «Писем русского путешественника»; отд. изд. в Лейпциге (1800) и в Лондоне (1803). В 1805 г. в Женеве выходит повесть Карамзина «Марфа Посадница или Покорение Новгорода», в 1808 г. в Париже – его «Бедная Лиза»; в Болонье (признаваемой ныне одним из важных центров изучения русского языка в Европе) публикуется сборник «Поэзия и проза Карамзина». «История государства Российского» (которую, по словам Пушкина, «наша словесность может с гордостью выставить перед Европою» [Пушкин: 757]) печатается во французском переводе с отставанием всего на год против русского издания (11 томов за 1819-1826 гг.); немецкий перевод запоздал еще на один год.

Так к началу XIX в. завершился в основном первый этап знакомства Западной Европы с русской литературой, пока еще многим казавшейся не вполне самостоятельной, «ученической», пока еще только на правах гостии входящей в круг уверенных духовных «хозяев» континента. Но уже совсем скоро в числе новых впечатляющих российских знакомцев Европы появятся и И.А.Крылов, и П.А.Вяземский, и сам А.С.Пушкин, и Н.В.Гоголь, и М.Ю.Лермонтов, и зазвучат на немецком, английском и французском языках и голоса русского народа в песнях, и поэзия казаков. И произойдет это вместе с усилением геополитической мощи и влияния России – в эпоху антинаполеоновских войн.

Литература

Коровин В.Л., Цвиркун В.И. Кантемир А.Д. // Большая Российская энциклопедия (продолж. изд.). Т. 12. М.: Большая Рос. энц., 2008. С. 749-750.

Летописец. Из «Примечаний на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» // Правда. 23.07.1989. С. 3.

Неустроев. В.П. Форстер // В.П.Неустроев. Немецкая литература эпохи Просвещения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 332-344.

Пигарев К.В., Фридендер Г.М. Кантемир // История всемирной литературы (ИВЛ): В 9 т. Т. 5 / Отв. ред. С.В.Тураев. М.: Наука, 1988. С. 365-366.

Пушкин А.С. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений // А.С. Пушкин. Соч. / Ред. и коммент. М.А.Цявловского и С.М. Петрова. М.: ГИХЛ, 1949. С. 757-760.

Сементковский Р. Кантемир А.Д. // Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон»: В 12 т. (незаконч.). Биографии (Репринт). Т. 5. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 551-553.

Якушева Г.В. Концепции русской литературы в современных энциклопедиях Запада // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения / Отв. ред. Д.П.Николаев. М.: Наследие, 1997. С. 174-183.

Якушева Г.В. Парадигма русской литературы в энциклопедиях Запада: познание, признание и предубеждение // Русская литература за рубежом: Сб. мат-лов VI Междунар. науч. Панковских чтений / Отв. ред. Г.В.Якушева. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 2010. С. 7-16.

Якушева Г.В. Георг Форстер – романтический герой эпохи Просвещения // Мир романтизма. Т. 17 (41): Сб. научных статей. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. С. 46-51.

Grasshoff H. Mich. Lomonossow: Der Begründer der neueren russischen Literatur. Halle (Saale), 1962.

Grasshoff H. Ant. Dm. Kantemir und Westeuropa: Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. B., 1966.

Grasshoff H., Lauch A., Lehman U. Humanistische Traditionen der russischen Aufklärung. B., 1974.

Koelle H. Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Derzavins. Muenchen, 1966.

Moser Ch.A. Denis Fonvizin. Boston, 1979.

A.N.Radicev und Deutschland: Beiträge zur russischen Literatur des ausgehenden 18. Jahrhunderts. B., 1969.

Schroeder H. Russische Verssatire im 18. Jahrhunderts. Koeln; Graz, 1962.